

Глава 1

Стиви не носила ничего черного. Черный ей не шел. Намного удобнее было в белом, в поварском, если быть точнее. Правда, вряд ли стоило приходить на похороны в одежде шеф-повара, не так ли? Хотя она и подозревала, что двоюродная бабушка Пегги оценила бы ее образ, если бы Стиви так оделась.

На глаза наворачивались слезы, она пыталась сдержать их, пока в голове всплывали последние слова Пег.

— Не грусти, дорогая, — сказала Пегги. — Я готова. У меня была долгая и счастливая жизнь. Она для того и существует, чтобы жить и умирать, Стиви. Одного без другого не бывает.

— Тсс, — ответила Стиви. — Ты не умрешь, я тебе не позволю.

Бабушка издала слабый смешок.

— У тебя не будет выбора, милая. А теперь не хандри и сделай мне одолжение.

— Все что угодно. — По лицу Стиви текли слезы.

— У тебя есть только один шанс, так что живи по-своему, иначе я вернусь и буду преследовать тебя.

После этого Пег погрузилась в себя и будто исчезла.

Как я могла не грустить? Стиви задумалась — в двадцатый раз с той ужасной ночи. Пег была ей как бабушка, больше, чем ее родная. «Жаль, что моя мать относится ко всему иначе», — подумала она, украдкой взглянув на женщину, стоящую рядом с ней. Нельзя было сказать, что ее мать грустит,

скорее скучает, если быть честной. Хейзел считала организацию похорон Пегги своим долгом. Не более того. Чем-то, что нужно пережить и оставить в прошлом.

На мгновение Стиви невзлюбила свою мать. И в ту же секунду изменила отношение к сестре. Никто из ее родственников не хотел быть здесь (не то чтобы кто-то когда-то *хотел* присутствовать на похоронах), но эти две точно не чувствовали нужным выразить свое почтение, и Стиви подозревала, что все, что они делали, было лишь игрой на публику. В конце концов, никто из них не беспокоился о Пег, пока она была жива, так что с чего вдруг Стиви стоило ждать, что теперь они будут вести себя иначе, когда старая леди умерла. Это было выше ее понимания.

Карен наклонилась к Стиви, и она слабо улыбнулась. По крайней мере, ее подруга беспокоилась о Пег, а ведь она даже не была ее родственницей.

— Прекрасная служба, — прошептала Карен. — Бабушка Пег гордилась бы тобой.

На этот раз слеза все-таки упала. Бабушка все же гордилась ею, не правда ли? Дом престарелых, где Пег прожила последние шесть месяцев, рекомендовал провести службу в часовне по соседству. Стиви не раз задавалась вопросом, не был ли дом престарелых построен рядом с часовней специально для того, чтобы обеспечить преподобному постоянный поток клиентов. Но Стиви выбрала маленькую церковь рядом с бабушкиным домом. Старое здание, скорее, терялось среди многоквартирных домов и офисов, но она знала, что Пегги бывала там время от времени, и всегда на Рождество. Кроме того, нашлись еще один или два человека, которые помнили старую леди и хотели присутствовать на ее похоронах. И не тащиться для этого через пол-Лондона.

Мать только и делала, что ворчала по поводу стоимости услуг похоронных машин, что было странным для Стиви:

Маленькая кондитерская в Танглвуде

оплата шла не за милю, а Хейзел платила не из собственного кармана. Пег оставила достаточно денег, чтобы покрыть расходы на свои похороны. Мать Стиви, по крайней мере, была последовательна — признала она. Потому что была недовольна стоимостью всего, особенно цветов. Даже сейчас, Стиви могла поклясться, мать бросала на нее простые, но эффектные испепеляющие взгляды. Стиви оставалась непреклонна — Пегги любила цветы. Поэтому было решено на них не экономить. Это единственное, что она могла сделать для своей бабушки, и развеять ее прах.

Но она не хотела думать об этом сейчас.

— Вот. — Мать сунула ей в руку носовой платок. — Перестань хлюпать носом.

Стиви взяла его, нахмурившись. Карен обняла подругу за плечи, когда служба подошла к концу и прозвучал последний псалом. Господи, Стиви будет ужасно скучать по этой сварливой старой леди. Что же ей теперь делать субботним утром? С тех пор как Пег была вынуждена жить в доме престарелых из-за ее ухудшающегося здоровья и астении¹, Стиви навещала ее по субботам. Она всегда угощала старую леди одним или двумя гостинцами и меняла ее библиотечную книгу (она брала только одну зараз, потому что из-за слабого зрения Пег приходилось полагаться на других), и Стиви всегда дарила ей букет цветов.

«По крайней мере, мне не придется беспокоиться о ее доме», — подумала Стиви. Достаточно было того, что пришлось разбирать те немногие пожитки, которые Пег взяла с собой в дом престарелых. Честно говоря, когда Пег поняла,

¹ Постепенно развивающееся психопатологическое расстройство, сопровождающее многие заболевания организма. Астения характеризуется повышенной утомляемостью, проявляется раздражительностью, снижением психической и физической работоспособности. (Здесь и далее прим. ред.)

Лилак Миллс

что больше не может сама о себе позаботиться (Стиви предложила старой леди переехать к ней, но Пегги была непреклонна и не хотела, чтобы Стиви ухаживала за ней), она уладила свои дела с поразительным проворством. Одна из тех вещей, которые Стиви любила в Пегги, — ее независимость. Если старушка могла сделать что-то сама, она это делала. Ее любимым выражением было: «Я не хочу стать обузой», и оно бесконечно раздражало Стиви. Как будто бабушка Пег могла быть обузой! Жаль только, что остальные члены ее семьи не относились к Пег так же. Ни у матери, ни у сестры, казалось, не было на это времени. Правда, мать часто приглашала ее на рождественский обед и Пасху, но на этом все и заканчивалось — символические жесты, не более того. С тех пор как Пегги переехала в дом престарелых, мать навестила ее всего один раз, а Ферн, насколько Стиви знала, не навещала вовсе. На самом деле ее сестра, казалось, совершенно забыла о существовании их двоюродной бабушки.

Ну вот и все, все кончено. Стиви с ужасом ждала этого дня с тех самых пор, как позвонила заведующая сестринским отделением и сказала, что Пег угасает, и если она хочет попрощаться с ней, то должна приехать как можно скорее. Стиви была рада, что все же оказалась рядом. Держала бабушку за руку, говоря ей, что любит ее, когда старая леди выпускала последний вздох. Единственное, о чем она жалела, так это о том, что не смогла сделать больше. Из-за работы, на которой повара должны были вкалывать неоправданное количество часов, и из-за ресторана, находившегося на другом конце Лондона. Трудно было видеться с Пег чаще чем раз в неделю, по субботам. По крайней мере, Пегги знала, как сильно Стиви любила ее, и это ее утешало.

Глава 2

— Сколько? — Слова прозвучали как сдавленный вопль, когда Стиви забрызгала чаем подбородок. Она с громким стуком уронила чашку на блюдце.

— Не может быть! — Ее глаза расширились от удивления. — Или может?

Довольно старый джентльмен, смотревший на нее поверх не менее старого стола, кивнул, и его глаза заблестели. Он смеялся над ней или ему просто нравилось сообщать хорошие новости? Она отчаянно надеялась на второе. Пожалуйста, пусть это будет правдой!

— Вы уверены, что правильно запомнили имя? Пегги Лэнгтри? — спросила Стиви.

Еще один кивок.

— Но у нее не было денег — только на похороны. Она обычно хранила свой «похоронный капитал», как она его называла, в вазе на подоконнике. — Стиви нежно улыбнулась.

— У нее явно было больше денег, чем вы думали, — сухо заметил адвокат.

— А как же мама и Ферн? Только не говорите мне, что она оставила им столько же. — Стиви сглотнула при этой мысли. — Должно быть, она была при деньгах.

Мистер Гантли подался вперед в своем кресле и сцепил ладони, поставив локти на стол, от которого исходил слабый запах нафталина.

— Нет, — торжественно произнес он после долгого молчания.

Стиви ждала объяснений, но он не предпринял никаких попыток продолжить разговор. Постукивая пальцами по столу и покачивая ногой, она спросила:

— *Нет*, она не оставила столько же маме и Ферн, или *нет*, она не была при деньгах?

— Первый вариант. Она оставила другие суммы вашей матери и вашей сестре.

— А, понятно, — сказала Стиви, все еще пребывавшая в состоянии шока, но благодарная, что бабушка Пег тоже что-то им оставила. Кто бы мог подумать, что старая леди стоила столько усилий?

Адвокат откашлялся, и дряблая кожа на его шее еще больше натянулась под завязанным галстуком. Сколько же ему лет? Он напомнил Стиви черепаху, которая жила у нее в детстве. Вытянутая шея рептилии была бесконечным источником интереса. Стиви тыкала его в голову каждый раз, когда сморщенное существо рисковало вылезти из своего панциря только для того, чтобы втянуть голову обратно с такой скоростью, на какую было способно. Мать сказала ей, что Ральф (так странно назвала его Стиви) сбежал. «Медленно уполз — больше похоже на правду», — подумала тогда Стиви, но она все поняла. Она не винила его. Будь она в его шкуре, она бы тоже уползла. Точнее, в его панцире.

На поверхность вырвался легкий истерический смешок. Она подавила его, борясь с желанием ткнуть мистера Гантли в нос, чтобы посмотреть, как поведет себя *его* голова. Стиви представила, как он втягивает и вытягивает голову и его шея прячется за воротником рубашки. Сознывая, что ее мысли блуждают (должно быть, еще от шока), она снова обратила внимание на старого адвоката и обнаружила, что он терпеливо ждет, все еще опершись подбородком на кончики пальцев,

Маленькая кондитерская в Танглвуде

со слабой улыбкой на лице. Она покраснела и уставилась на него, как непослушная школьница на директора. Это чувство было ей знакомо, как никому другому. Молчание продолжалось некоторое время, пока она не поняла, что от нее ждут вопроса. Не какого-нибудь *старого доброго* вопроса, а *того самого* вопроса. И Стиви его задала: «Сколько она оставила маме и Ферн?» Адвокат печально покачал головой: «С вашей суммой и не сравнится. Тысяча фунтов. Каждой».

— Черт побери! — Стиви поднесла руку ко рту. — Ох, извините, — добавила она, гадая, как скоро семья потребует свою долю ее весьма неплохой добычи. Она не собиралась ругаться, но он сказал «каждой», как будто это могло улучшить положение вещей. Ее мать и сестра придут в бешенство. Ей придется разделить свое наследство ровно на три части, иначе они никогда не успокоятся. Тысяча чертей! Не то чтобы она была жадной или что-то в этом роде, но в нынешних обстоятельствах деньги могли стать хорошим подспорьем.

— Столько всего нужно переварить, — сказала она, пытаясь оправдаться за плохие манеры.

— Несомненно, — сдержанно добавил мистер Гантли, поднимая очки и пряча дужки за большими волосатыми ушами. Он перевернул несколько страниц.

— Позвольте мне объяснить для ясности, — продолжил он. — Пегги Лэнгтри оставила вам двести шестьдесят три тысячи двадцать один фунт и пятьдесят семь пенсов. Плюс-минус, — добавил он. — Миссис Тейлор и миссис Чок получают по тысяче фунтов. А если вы попытаетесь передать что-нибудь из своего наследства миссис Тейлор или миссис Чок, то его получит кошачий приют, — лаконично добавил адвокат.

— Но, но... мне мало не покажется, — запричитала Стиви. — Почему бабушка Пегги так поступила с мамой и Ферн?

Мистер Гантли потянулся через стол и похлопал ее по руке.

— Я не посвящен в мотивы покойной Пегги Лэнгтри, но, возможно, она считала, что вы заслуживаете этого больше, чем они. Или, может быть, она думала, что вам это принесет больше пользы.

— Она не ошиблась, — сказала Стиви. — Я только что потеряла работу.

— Сочувствую. В таком случае наследство пришло к вам в самое благоприятное время, — сказал мистер Гантли.

— Меня сбил лондонский двухэтажный автобус. Красный. Губы старика дрогнули.

— Да-да, я слышала все анекдоты о гонках наперегонки с автобусом и попаданием под колеса, — сказала Стиви.

— Вы ушиблись?

— Я сломала ногу.

— А вы везучая.

— Везучая? Ха! Я бы не назвала попадание под автобус везением. Здесь нет никакого везения. — Стиви понимала, что начинает заговариваться, но она не могла остановиться. Должно быть, у нее все еще был шок.

— Я хочу сказать, что могло быть гораздо хуже, — добавил мистер Гантли. Он посмотрел на часы.

— Нет, не могло! Я потеряла работу. — Ее глаза наполнились слезами, она порылась в своей огромной сумке в поисках салфетки, вместо нужной упаковки ее пальцы схватили рулон туалетной бумаги. Сойдет.

Мистер Гантли нахмурился, когда она не закончила фразу, и молча протянул коробку с салфетками, стоящую на столе. Она взяла парочку — всяко лучше, чем туалетная бумага. Хотя теперь, имея в банке более двухсот пятидесяти тысяч фунтов, она могла себе позволить порадовать себя парой коробок салфеток. Стиви высморкалась.

— Корки сказал, что должен меня отпустить.

— Корки?

Маленькая кондитерская в Танглвуде

— Корки Миддлтон. Вы, должно быть, о нем слышали?

Мистер Гантли покачал головой. Мягкие складки кожи под его подбородком задрожали.

— Корки Миддлтон, владелец «Дыни», все время крутят по телевизору? — настаивала Стиви, игнорируя второй, нарочитый взгляд адвоката.

— Боюсь, что нет, — сказал он, со скрипом поднимаясь со стула. С немалым усилием он поднялся на ноги и несколько секунд пытался поймать равновесие.

— Это всего лишь самый знаменитый ресторан с мишленовской звездой в Лондоне, — сказала она, поворачиваясь на стуле, чтобы посмотреть, как старик идет к двери. — Когда я получила эту работу, я была слишком наивна, полагая, что теперь у меня все схвачено. О, это, должно быть, рассмешило богов, — горько добавила она. — Я кондитер, и к тому же чертовски хороший, но мерзкий Корки уволил меня только потому, что я сломала ногу!

Стиви не двинулась с места.

— Извините, но у меня назначена еще одна встреча, — адвокат открыл дверь и фыркнул. — Простите, чуть не забыл.

Он вернулся к своему столу и принялся рыться в разных лежащих на нем вещах, заглядывая под конверты и поднимая листовки с рекламой доставки пиццы. Стиви не поняла, то ли это его кожа издавала сухой, шуршащий звук, то ли разнокалиберные бумаги.

— Я очень скучаю по ней, — сказала Стиви, высморкавшись в уже промокший ком из салфеток. — Извините, я не хочу плакать, но ничего не могу с собой поделать. Оно само подступает, понимаете? — Она помолчала, наморщила нос и посмотрела на него поверх салфетки. — Вы уверены, что Пегги оставила наследство мне?

— Совершенно уверен. Вот. — Он нашел то, что искал, и протянул ей.

Лилак Миллс

Она уставилась на нетронутый кремовый конверт в своей руке.

— Это ее последняя воля и завещание? — озадаченно спросила она. Несомненно, он придерживался одного мнения.

— Это письмо от вашей бабушки.

— Да. Конечно. Так и есть. — Стиви ничуть не удивилась. — Она написала его до или после смерти?

На секунду у нее мелькнула безумная мысль, что слова бабушки о преследовании Стиви после смерти Пегги сбылись. Мистер Гантли поднял свои густые брови.

— Извините, — пробормотала Стиви, приходя в себя. — Спасибо за помощь.

— Через несколько дней я подготовлю документы на подпись, и мы сможем перевести деньги на ваш счет, — сказал он. Адвокат вернулся к своим делам, и Стиви пришлось откланяться. Прижимая письмо к груди, она поднялась на ноги, но, прежде чем уйти, обернулась к пожилому человеку, сидевшему в этом старом и пыльном кабинете, и заколебалась.

— Да, — подтвердил он, зная, о чем она собирается спросить. — Двести шестьдесят три тысячи двадцать один фунт и пятьдесят семь пенсов. Наслаждайтесь.

Глава 3

«Моя дорогая Стиви, — начиналось письмо. — Я умерла».

«Знаю, — печально подумала Стиви. — Я была на твоих похоронах».

«Ты получишь почти все мои деньги».

«И это я тоже знаю. Поверенный рассказал мне, но чего он не сказал — так это почему», — подумала она.

«Ты удивляешься почему».

В яблочко, бабушка Пегги. Ты всегда была хитрой старушкой. Стиви улыбнулась, вспомнив любимые черты — длинные белые волосы, фиолетовые ботинки на шнуровке, ярко-розовая джинсовая куртка (где, черт возьми, она умудрилась ее раздобыть?) и тележка из супермаркета с плюшевой кошкой на детском сиденье. Благослови ее Господь, но она была довольно эксцентрична... или безумна, в зависимости от того, как посмотреть.

«Потому что ты этого заслуживаешь. И нуждаешься в этом. Теперь я знаю, о чем ты думаешь. Что эти деньги не сделают тебя счастливее, но, по крайней мере, они могут облегчить тебе жизнь. Все, о чем я тебя прошу, — используй их с умом и не растрачивай на безделушки и штуkenции».

Штуkenции? Что, черт возьми, за штуkenции? И кто сказал, что деньги не могут сделать тебя счастливее? Люди с кучей этого добра, вот кто.